Михаил КОНОВАЛЬЧУК

Батька Чапай

Продолжение. Начало см. "ЭС" №№ 2, 3

А важное дело состояло в следующем: из окрестных деревень мобилизовали всех, кто мог носить оружие, – и юнцов, и мужчин преклонного возраста, и явных дезертиров. Вся эта куча народу, взятая в чем была, в одежонке похуже, с котомками, представляла жалкое зрелище.

– Вот это – наша будущая армия, – сказал Чапай комиссару.

– Н-ну, – покачал головой Дмитрий. – Они же от первого чиха разбегутся. Даже еще до того – убери охрану и их уже не будет...

– Сейчас посмотрим, – загадочно сказал Чапай и, взбодрив своего жеребца, въехал в гущу народа.

– Здорово, орлы! – рявкнул он так, что от него отшатнулись близстоящие, остальные неприветливо загудели.

– Здорово, коль не шутишь, – сказал бородатый мужик неопределенного возраста.

– А ты что здесь делаешь, папаша? Тут формируется отряд красных бойцов, борцов за справедливость, против кровососов, угнетателей рабочего люда. Тут пришли смелые, решительные борцы встать под знамена революции, защищать свой дом, свою семью от грабежей, насилия. Тут пришли люди, которые хотят честно работать на своей земле. А ты что здесь делаешь, дед?

– Так ведь взяли... вон конвой кругом. Штыками тыкают, не пущают.

– Внимание! Конвой! Разойдись!

Конвойные накинули винтовки "на плечо" и удалились.

– Топай домой к бабке, – настаивал Чапай, усмехаясь. – Паклю почеши.

– Каку паклю?

– Каку таку. Сам знаешь лучше меня.

В толпе заржали.

– Никакой пакли не знаю, – засобирался мужик, но не уходил.

– Или, иди, отпускает, – толкали в спину его. – Ту самую, говорит, и почеши...

– Да пошел ты, – отбрехивался мужик.

Но Чапай уже не обращал на него внимания. Он выбрал следующую жертву.

– Сколько лет? – спросил он у мальца.

– Шестнадцать.

– А по виду меньше. Мал еще. Иди домой. А то винтовку уронишь, сломаешь.

– Шестнадцать было, уже семнадцать...

– А не боишься-то казары? Они лютые. Видел, морды-то наели...

– Так не один же я буду... – задумался малец.

– Тятьку позовешь?

– Брат у меня тут

– Ну, если брат...

– А сам кто будешь? – наконец протиснулся "дед" поближе.

– Я? А ты как думаешь?

– Вроде Чапай?

– Чапай.

– Ну так бы сразу и сказал. Если Чапай, то и вопросов нет.

– Так что и бабку бросишь?

Опять в толпе засмеялись.

– Сам Чапай? – протиснулся чисто одетый кудрявый парень с гармошкой.

– А ты гармонист?

– Гармонист.

– Не верю. Сыграй!

– Хо! – оглянулся на собравшихся гармонист. – Во дает!

– Камаринского!

Гармонист лихо врезал что просили.

– Эх! – легко соскочил с коня Чапай, подкрутил усы и прошелся таким фентибобером по мгновенно образовавшемуся кругу, что Дмитрий даже закрыл глаза от стыда.

– Вот шут гороховый, – с возмущением сказал он Исаеву, ординарцу.

Тот только с удивлением глянул на комиссара.

– Эх, давай, Петька, давай, – притоптывал Чапай перед Исаевым

Петька, лихо заломив папаху, пошел в пляс.

А тут и дед-резонер, не отпуская котомку, стал такого камаринского выкапдыривать, что толпа закатилась от смеха. В пляс пошли и другие.

Чапай вскочил на коня, любуясь пляской и, смеясь, обратился к комиссару.

– Как, Дмитрий Андреевич, правильно я агитировал народ?

– Да ты, Василий Иванович, так же и воюешь – не по правилам.

Слева – Григорий Иванович Чапаев, младший брат В. И. Чапаева

– Так правила пишут же люди. А там еще есть исключения из правил, которые подтверждают правила.

– Хорошо говоришь, Василий Иванович.

– Говорю я, Дмитрий, плохо. Культуры мне не хватает. Иногда скажу что-нибудь и сам удивляюсь, как такое вылетело, – господи, прости меня грешного, – Чапай перекрестился.

– Ты и крестишься еще? – спросил удивленно Дмитрий.

– А что такого? – не менее удивленно спросил Чапай.

– В бога веруешь?

– А не я его назначал, не мне его отменять.

– Ну, Василий Иванович, ты меня поражаешь. Ты же коммунист.

– Так коммунисты против попов-эксплуататоров...

– И против бога!

– Ха! Дмитрий. Тут я тебя и поймал, комиссар, – если против бога, то значит за черта. Ты что комиссар, за черта?

– Нет, Василий Иванович, ты меня заговорил. Бога просто нет.

– А ты видел?

– Как я могу видеть, если бога нет?

– А черта?

– Нет и черта.

– Как, ничего нет?

– Нет ничего.

– Скучно живешь, комиссар, ни бога нет у тебя, ни черта. А что есть?

– В смысле?

– Ну что у тебя остается. Богатые и бедные?

– Да. Трудящиеся и капиталисты.

– Так что, я найду мешок с золотом и я уже другой человек? А отберут? Снова другой?

– Простой ты, Василий Иванович, как семишник.

– Ну простой, простой... Только ответь все-таки, что, дело только в познании?

– Нет, конечно.

– А что, над человеком больше никакой власти нет, кроме человека?

– Есть – вождь.

– Но он же человек. Значит, может ошибаться.

– Да. Конечно.

– Значит, и Ленин может ошибаться?

– Нет. Ленин не ошибается.

– Не может? Он же человек?

– Человек.

– Значит, может ошибаться?

– Доведет тебя, Василий Иванович, язык до цугундера.

– Это не язык. А размышления. Так, чтобы не было скучно...

Они, споря, уже давно ехали по степной дороге.

Шагах в десяти от них двигался отряд сопровождения. Человек пятнадцать.

– А куда двигаемся? – спросил Дмитрий. – Уже вечереет.

– На Бенардак. Переночуем здесь, а завтра будем в расположении наших. Застряли они что-то. Там засели казаки. Сабель 250-300. Нужно выбить. Ума не приложу, как это сделать. А выбить нужно. Оттуда идет подпитка белых фуражом, продовольствием, там конный завод Мальцевых. Слыхал о таком?

– Не слыхал.

– А я там плотничал два сезона. Хорошо знаю эти места. Кудряво жили Мальцевы – лебеди плавали в прудах, павлины бродили по парку, боровы были пудов 30! И индюки величиной с теленка!

– Страусы, – уточнил Дмитрий.

– Наверное... Но самое главное – выводили знатных рысаков. До сих пор, говорят, сохранились. Работников держали до трехсот душ... театр, скоморохи. Гости из Петербурга съезжались и из Москвы. А еще потеха была – кулачные бои. По полтора десятка с каждой стороны. Как те... гладиаторы.

– Бесились с жиру?

– Но как бесились! – восхищенно сказал Чапай. – Бывало, бочку с водой в прорубь опустят – доставай. И доставали. Потеха была на всю округу.

– Так, погоди, Чапай, ты мне в уши не дуй. Бенардак стоит совсем не на пути продвижения. Это вообще не та сторона.

– Комиссар. Ты мне сам сказал, что мы с тобой будем дуть в одну дуду – что я, то и ты. Что ты, то и я.

– Неправильно понял, Чапай. Действовать нужно с точки зрения военной тактики.

– Вот... так-тики, мы не так-тики. Что такое тактика?

– Часть стратегии.

– Вот и я о том! А какая у нас стратегия? Стратегия у нас – победа нашего дела по всем фронтам. И во всех населенных пунктах установление советской власти. Ты же за советскую власть во всех пунктах или только частично?

– Во всех. Бери, бери свой Бенардак.

– Взять-то я возьму, но не знаю как. Казак в поле силен в сабельном бою. А видел, как казак работает пикой? Страшно! Он на скаку насаживает зайцев, как на вертел, и жарит, не сходя с лошади.

– Шутишь, Василий Иванович.

– Какие шутки. Вот скажи мне, – завелся Чапай, спрыгнул с лошади и на песчанной проталине саблей начертил план: вот – площадь, церковь, главная дорога, вот еще дорога. Как бы действовал ты как комиссар?

– Ну... окружил, наверное бы, и провел артиллерийскую подготовку.

– Ага! Перебил бы и переранил лошадей, сжег бы дома...

– Ну... не знаю...

– Не знаю... Нужно взять! – почти вспылил Чапай.

– Ворвался бы, чтобы не принимать боя в чистом поле, где они сильны.

– Самого бы окружили и перерубили в капусту. Всех. И тебя, и твою жену. Повезло тебе, кстати, – не всякая поедет за мужем в такие места.

– Ну а если по частям? Оставить запасной полк и с двух сторон?

– Уже ближе... Как о жене вспомнил, так мозги заработали. О каждом бойце так нужно думать. Я с каждым разговариваю. И идет он со мной не картошку воровать. А надеется, что даже если в беду попадет – то Чапай выручит. Это царские генералы бросали нас сотнями на пулеметы. Мы для них – мясо, быдло, они считали нас сотнями, а я своих считаю – душами. У меня всего-то 150 душ.

– А там, говоришь, 250-300 сабель.

– Да... может, и больше.

– На авось надеешься?

– На себя. Ты вот едешь, о чем думаешь?

– О разном...

– А я смотрю – балка, здесь можно укрыться, а там хороший проход для пушек. А там можно в брод перейти. И сколько идти от деревни до деревни. Я об этом думаю. А еще – чем накормить лошадей, сколько у нас патронов, снарядов. Куда везти раненых, где достать провиант. Я об этом думаю... Не о мировой революции.

– Так как ты собираешься взять Бенардак?

– Не собираюсь, а возьму. Если бы не знал как, даже не плюнул в ту сторону. Вот слушай... Эта мысль у меня возникла, когда я зашел к тебе утром. Ну, не совсем мысль, а идея. Вот вошел я, комиссар даже не успел наган в руки взять. Жена даже не проснулась.

– Проснулась, с перепугу под одеяло спряталась. Постучался бы...

– А я откуда знал, что она там... не перебивай. Так вот... Нужно выступать сегодня после захода. К восходу все подтянутся, изготовятся. Первыми пускаем тачанки, их всего четыре. Со страшным грохотом врываются по основной улице, поливают из пулеметов налево-направо и занимают оборону на площади. У церкви. Завязывается бой. С переполоху белые выскакивают на улицы, седлают лошадей, устремляются к центру, к бою. А мы, чуть выждав, в лоб, вышибаем основного противника, а остальные с перепугу сами разбегутся.

– Как-то просто.

– Самое главное – противник не сможет реально оценить обстановку. Это его уничтожит, а не наши сабли. Криком возьмем, шумом.

– Шапками закидаем?

– А вот увидишь, – загорелся Чапай, вскакивая снова на коня. Что-то в его движениях появилось новое – властное. – Эй! – крикнул он бойцам сопровождения, – за мной! – свистнул арапником рядом с ухом лошади.

Отряд понесся вперед.

Сонная тишина повисла над городком. Утренний туман скрывал дома, паутиной зависал средь высоких тополей. На востоке только небеса алели, а петухи уже горланили, приветствую восход.

Кричали экзотические птицы – павлины.

– Вот басурманские петухи закричали, – пробормотал казак, шевеля угли в угасшем костре. – Вставай, братва, коней поить пора.

Казаки дозора дремали вокруг костра. Дремали вполглаза – по привычке, хоть красных близко и не было...

Старший казак приподнялся было, но вдруг его скрючило – он не мог разогнуться.

– Ать... вступило опять, – кряхтел он.

– Так во сне сполз с бурки. Спал на земле опять.

– Уползти куда-то хотел.

– Куда там... Давно уже никуда не ползаю...

– А это что? – вскрикнул казак, бросаясь к пулеметному гнезду.

Как из-под земли вылетела тачанка, другая... пушки, грохот...

Пост был смят в мгновение и остались только корчиться на земле раздавленные казаки из дозора, перепуганные кони, стреноженные, пытались бежать, но падали, вставали, спотыкались и падали.

Тачанки с грохотом, ржанием, криками ворвались на сонные улицы городка.

Заработали пулеметы. Полетели стекла, завизжали пули... Шум, гвалт, грохот. Неразбериха. Отдельные крики, бессмысленные команды.

Выскакивал народ в белых подштанниках. Кто садился на коня без седла, кто пытался оседлать, но падал, сраженный пулей.

Кто просто с оружием в руках выскакивал на улицу, готовый стрелять, но не зная куда.

– Тревога! По коням! – орал хорунжий, стреляя из нагана вверх.

Наконец появились одетые и при оружии всадники.

Хорунжий бежал с лошадью под уздцы и стрелял в воздух.

– По коням! За мной! – и вскочил-таки на своего коня.

За ним устремились и остальные.

Но проскакали они не более сотни метров – передние лошади были срезаны из пулеметов и была устроена страшная свалка из людей и лошадей.

Выскакивали из переулков и другие всадники, но увидев гибельный завал, поворачивали лошадей в объезд или же обратно, но оттуда уже неслась плотная лава красных с шашками наголо.

"Ура-а-а!" неслось такое мощное и стройное, что без слов было ясно, кто управляет ситуацией.

Многие, побросав лошадей, пытались спастись, повиснув на заборах, нырнув в переулок, но везде их настигали или пуля, или клинок.

Рубили азартно, безжалостно.

Тех, кто пытался прорваться к площади, встречал пулеметный огонь. Спасения не было. Один бросил оружие и поднял руки, но был разрублен почти пополам.

Лошади словно озверели – с кровавой пеной из губ, они не ржали – они рычали и, взбешенные, кусались, топтали копытами поверженных.

Чапай с пригорка холодно наблюдал в бинокль отдельные фрагменты боя.

Если он горячился, когда обсуждал план, то теперь, в сражении, был спокоен.

– Исаев! – сказал он, – там низинкой отходят пешие – догнать и взять в плен. Видимо, офицерье проснулось.

Исаев в мгновение ока исчез.

Комиссар, не находя себе дела, был несколько растерян.

Недалеко развернули отбитую пушку, считали снаряды.

– Пятьдесят поросят взяли, – похвалился артиллерист.

– Вот и хорошо... Гляди-ка, а там, помоему, на колокольню пулемет тащат... Смотри, комиссар!

Действительно – было явно видно, что на колокольню поднимаются несколько человек.

– Артиллерия! – рявкнул Чапай.

– Есть артиллерия! – подбежал Пряников, бывший ткач.

– Давай, по колокольне. Попадешь?

– Как не попасть. Это как в соломинку с нагана.

– Давай.

– Так это же храм божий, – нашел себе дело, наконец, Дмитрий.

– Храм новый построим. А бойцов своих новых не нарожаю. Рожалки нет, – сердито сказал Чапай. – Ну что, артиллерия?

Но ткач не отвечал, он крутил колесико вертикальной наводки, не решаясь дать команду.

– Пли! – наконец тихо сказал ткач.

Орудие рявкнуло, и снаряд понесся к колокольне.

Только долгое ожидание взрыва показало, как медленно он летит, а второй уже вошел в казенную часть, и ткач опять колдовал над прицельной трубкой...

Снаряд взорвался на площади, не причинив никому вреда.

...сделал поправку, перекрестился и опять тихо:

– Пли! – снаряд, видимо, попал в четверик под колокольней, потому как колокольня накренилась, большой колокол оторвался и рухнул вниз.

Рухнул, но не разбился, а со страшным гулом подпрыгнул, звякнул, ударился еще несколько раз и покатился по кругу, возмущено гудя.

– Ну, а дальше слово медикам и похоронной команде. Нам здесь делать нечего. Пойдем штаб образовывать, связь наводить. Я думаю, командование нас потеряло.

Далеко в небе загудел самолет.

– Наш или не наш?

– А как определить?

– А никак. Полетает, полетает и не знаешь – свои прилетали или разведка белых. Иногда кажется, что это одни и те же летчики.

– Смеешься?

– Не до смеху... Там кто-то, видимо, работает и нашим, и вашим.

– Что, так возможно?

– За деньги многое возможно

– Да, антанта платит в валюте.

– Фунты и... валюта

– Значит золотом. Вот, комиссар, это – работа. Это – профессия. Полетал – все видно, доложил. Получил валюту – гуляй, Вася. Нравится мне летать.

– Летал?

– А еще как! Жарова такого знаешь?

– Нет, кто такой?

– Летчик. Друг Фрунзе... так вот прилетел, так мы с ним часов пять летали. Я управлял самолетом! – с гордостью сказал Чапай.

– Врешь, Василий Иванович.

– Не веришь? На что забьемся?

– Да хоть на что, врешь. Ты, я заметил, хвастаешь часто...

– Вот. Этими руками я держал штурвал.

– А где сидел?

– Сзади. Вторым пилотом.

Дмитрий захохотал.

– Так это просто баранка. Он не подключен. Учебный руль.

– Да ты врешь. Побожись...

– Вот те крест, – перекрестился комиссар.

– А... – махнул на него рукой. – Что проку – атеист все равно.

Чапай несколько смутился – выглядеть дураком он не любил.

– Не врешь? – горестно еще раз спросил он комиссара.

– Василий Иванович, родной, если бы тебя обучить летному делу, то ты был бы лучшим летчиком... поверь.

– Я тоже так думаю, – подтвердил Чапай. – Значит, этот пройдоха Жаров мне пустое колесо дал. Мог дать и от телеги и я бы крутил?

Дмитрий явно любовался детской непосредственностью легендарного Чапая.

– Представляешь такую картинку – ты летишь с колесом от телеги и кричишь: – Кукареку, я лечу!

Чапай вдруг захохотал. Да так захохотал, что и комиссар не выдержал, схватился за живот.

У Чапая появились слезы:

– Как? Кукареку, я лечу? Я... хочу? – хохотал Чапай, и артиллеристы тоже заржали, глядя, как смеются командир и комиссар.

– Все... все... – икал Дмитрий, а то подумают, что умом тронулись.

Чапай только отдувался:

– Ну, Жаров, ну, укузьмил. А еще и бочку спирта у меня взял, в керосин, говорит, добавляется, для скорости. Вот потешаются там в штабе. А ты говоришь, почему меня за дурака считают. Вот поэтому и считают. Откуда же мне знать, что колесо так, чтобы держаться...

И посмеиваясь, Чапай с комиссаром стали спускаться с высотки.

Подскакал Исаев.

– Взяли белых. Офицеры...

– Расстрелять революционным трибуналом.

– Допросить и расстрелять, – уточнил комиссар.

– А что они тебе нового скажут? Я сам тебе могу сказать это...

– Ну, все-таки. Порядок.

– Ну, если порядок. То давай...

– И что они скажут?

– Что ты – христопродавец, красная рожа, что ты жидам-комиссарам продался. А Ленин – немецкий шпион. И так всякий раз.

– А если нагайкой?

– Пробовали. Еще хуже... Тебя-то точно жидовской мордой звать будут. Так что, как хочешь – не мое это дело. Как говорят артистки – "Мавр сделал свое дело..."

Под приветственные крики бойцов и рабочего люда, Чапай въехал на улицу городка, на полкорпуса опередив комиссара.

Тот, обидевшись, вообще отстал.

Его личность поглотила мое внимание, я все время к нему присматриваюсь, слушаю внимательно, что и как он говорит, что и как делает. Мне хочется понять его до дна и окончательно.

Чапая всюду крестьяне встречали восторженно: в Совете лишь только узнавали, что приехал Чапай, – начинали говорить шепотом, один другому передавал, что приехал Чапай, и молва живо перебрасывалась на улицу. Стекался народ посмотреть на героя, и скоро Совет сплошь набивался зрителями. А когда уезжали, у ворот тоже стояли любопытные и провожали нас взорами. Популярность его всюду огромная, имя его известно решительно каждому мальчугану. В одном селе попали как раз на заседание Совета. Его пригласили "хоть что-нибудь сказать", и он рассказал крестьянам о положении наших дел на фронте. Крестьяне шумно выражали ему свою благодарность.

Он еще подробнее рассказывал мне о своем прошлом житье-бытье и все горевал, что судьба у него сложилось нескладно и не дала возможности развиваться как следует. Он, разумеется, сознает и свою невоспитанность, и необразованность, свою малую развитость и невежественность. Все хорошо видит, скорбит душой и стремится страстно перевоспитаться и скорее, как можно скорее, научиться всяким наукам. Ему хочется ознакомиться с русским языком, ознакомиться с математикой. Его особенно интересует электричество, устройство беспроволочного телеграфа, граммофона и т.д. И на эти вопросы, поскольку сам знаю, отвечал и объяснял, сознавшись, что тайна граммофона непонятна мне и самому.

Я ему высказывал свое изумление на то обстоятельство, что до сих пор он все еще крестится, рассказал, насколько помнил, историю происхождения религиозных верований и поклонений, захватил по пути и политическую экономию. Потом указал ему на то, как мелочное бахвальство роняет его в чужих глазах. И что он слабый стратег, а воюет, как его "осенит".

– Я слабый стратег? Нет. Я скажу вам, что у нас в армии еще не было и нет такого стратега, как я. Подтверждаю, что я лучший стратег, хоть этому по книгам и не учился. А вся эта сволочь, которая меня не считает за стратега, – они просто контрреволюционеры, и больше ничего. Они меня вот и до сих пор все гоняют без дела, а на фронт не пускают. Они подкапываются под меня, вот что...

Особенное же удовольствие доставляют ему воспоминания из боевой жизни, когда он подымал двести-двести пятьдесят человек в одном белье и отымал только что потерянные пулеметы, отымал почти голыми руками, благодаря исключительно смелому натиску.

Ворвался однажды в селение, где были уже чехи; те открыли пальбу – укекали. Под Уральском был окружен превосходными силами, перепорол комиссаров и командиров за бездеятельность, поднял всех на ноги и вывел без потерь.

Он рассказывал мне о своем прошлом. Оказалось, что когда ему было лет восемнадцать, то есть годов пятнадцать-шестнадцать назад, он в течении двух лет был шарманщиком. Тогда у него была девушка Настя, плясунья и певунья, с которой он жил вплоть до самой солдатчины.

Дальше он был торговцем. Рассказывал, как неоднократно обманывал купцов-торговцев в отместку за то, что они сами многократно его обманывали и подчас разоряли окончательно, на последние гроши.

– Я всю жизнь прошел, – он мне говорил. – Вся эта торговля и весь капитал – только на обмане все и построено. Я это понял на себе, из самой жизни понял, и убедился, что пока мы у богача не отымем его богатство, пока мы все не передадим беднякам, – покою не будет. Вот почему я и коммунистом-то и сделался – тут я лучше Ленина все понимаю.

... Я сделался коммунистом – не по теории, а на практике. Когда торговал – я видел весь этот обман, знаю, как мы бессовестно и бессердечно обманывали друг друга. Я все думал, как же тут можно обойтись без обмана – и не мог понять. А когда научился коммунизму, когда узнал нашу программу – обрадовался, поняв, что избавиться можно только по этому учению. Вот почему я стал коммунистом. Ничего, что учение знаю плохо, зато я убежден крепко.

Всю дорогу он мне рассказывал о своей прошлой жизни. Теперь он пишет воспоминания и заметки, а когда напишет, передаст мне, чтоб, когда понадобится, я мог обработать, написать.

Дмитрий писал так долго и увлеченно, что не заметил, как подошел Чапай, сел неподалеку, обмахиваясь листками бумаги.

Наконец Чапаю надоело и он деликатно откашлялся.

– А ты... Василь Иванович, – спустился с небес Дмитрий.

– Все пишешь? – спросил Василий Иванович. – Я вот тоже написал кое-что. Не желаешь прочесть? – протянул Дмитрию бумагу.

Тот быстро пробежал глазами написанное.

– Откуда ты взял?

– Валялось...

– И ты читал?

– Конечно...

– Зачем читал? Это же как можно читать чужие письма...

– И письмо бы прочитал. Что ты там пишешь? Ты понимаешь, что ты там пишешь? А если в штабе прочитают? Каюк Чапаю... Ты же доносы строчишь. Да и не говорил я такого, что ты понаписал.

– Я? Доносы? – взвился Дмитрий.

– Ты сам-то читаешь, что пишешь? – Чапай схватился за нагайку. – Я тебе сейчас спину распишу, писатель!

Дмитрий схватился за наган. Внутри все клокотало. Схватиться то он схватился, но вынуть его у него не было сил – руки были парализованы.

Чапай, усмехаясь, смотрел на него.

– В задницу его себе засунь. Только курок не нажимай – выстрелит.

Повернулся и пошел – спокойный, словно и не было вспышки.

Спокойный и уверенный. А Дмитрий остался стоять униженный и раздавленный.

Он раскрыл блокнот, быстро, на коленке, написал несколько строчек, вырвал лист, сложил вчетверо и написал: "В штаб армии".

Лист сунул в нагрудный карман френча и вышел на лицу.

Шла будничная жизнь после короткого, но кровавого боя, – несколько медсестер, из ткачих, перевязывали бойцов. Убитые лежали на сене в рядок. Красноармейцы...

Своих подбирали пленные под надзором двух неведомо откуда взявшихся китайцев, как правило, специалистов по исполнению приговоров и охране пленных. Китайцы покрикивали, подгоняя штыками пленных, посмеивались, переговаривались на своем певучем, непонятном языке.

К комиссару подвели несколько связанных офицеров. Были они босы, избиты. На теле только кровавые белые рубахи, да галифе.

– Будете допрашивать? – спросил ординарец Исаев.

– А что они нового мне скажут? – буркнул комиссар. – Расстрелять!

Пленных повели к оврагу, и только один, с перебитой рукой, молодой, все оглядывался – то ли узнал комиссара, то ли хотел запомнить...

Дмитрий отвернулся.

Вскоре привлеченный шумом, он глянул за забор – там было зрелище не из легких...

За забором происходили чудеса – по огороду с криком бегали павлины, а "дед", так и не ушедший к своей бабке, а, наоборот, очень даже военизированный, – с наганом на поясе и пулеметной лентой через плечо, гонялся за страусом.

– Во, братцы, индюка раскормили! – кричал удивленный дед, пытаясь зажать страуса в угол и повязать недоуздком, – на буржуйских харчах! Теля целое.

Страус бегал от деда, удивленно поглядывая на гогочущих красноармейцев. Даже перо потерял.

– Перо, перо возьми.

– А на хрен мне перо?

– Бабке вставишь, летать будет.

Наконец мирной птице надоело бегать от деда. Страус развернулся и перешел в наступление – клюнул деда так, что тот рухнул, словно кувалдой тюкнули.

Страус недоуменно оглядел деда, отвернулся брезгливо – с кем связался, – дед встал на корячки и попытался бежать, но ноги не слушались его.

Страус заметив это, бросился в погоню – теперь дед быстро бегал по огороду, уворачиваясь от клюва, а страус старался загнать его в угол.

– Стреляйте, братцы! – орал дед. – Эта контра буржуйская погубит революционного бойца, чапаевца! Шмальни в него.

Красноармейцы ржали так, что забор трещал от нависших трясущихся тел.

Продолжение следует